

П.Н. Долженков

«Человек в футляре»

Многие герои Чехова, хотя бы бессознательно, боятся жизни. Отказ от борьбы, от активной жизненной позиции, столь частый у героев писателя, может быть объяснен и их страхом перед жизнью.

В 1898 году писатель создает свою знаменитую трилогию о «футлярных людях», которую открывает рассказ «Человек в футляре». Образ «футляра», «футлярной жизни» стал одним из центральных в творчестве Чехова. В чеховедении существуют различные понимания этого образа. Конечно, в формировании «человека в футляре» большую роль сыграла эпоха реакции, но этот образ гораздо шире, нежели отражение реакции, которая к моменту написания рассказа была уже позади. Что значит футляр для самого Беликова? И темные очки, зонтик, калоши, которые он надевал даже в сухую погоду, и неукоснительное следование разного рода циркулярам, предписаниям, общепринятым представлениям — все это преследует одну цель: «как бы чего не вышло», — и все это есть защита от страшного мира. И дома под одеялом ему было страшно, он боялся даже того, что его зарежет повар Афанасий. «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге... он прятался от действительной жизни» — так говорится в рассказе. Футляр есть бегство, прятание от жизни из-за страха перед ней.

Беликов боится жизни. А чего именно он боится? Что значат его бесконечные «как бы чего не вышло»? Что может «выйти»? Что может выйти из того, что кто-то опоздал на молебен, что классную даму видели поздно вечером с офицером, что кто-то скажет, что Беликов не соблюдает постов? Что такого до смерти страшного могло произойти оттого, что Варенька и две дамы видели, как Коваленко спустил с лестницы Беликова? Парадоксально: он так сильно боялся, как бы чего не вышло, что вышло самое страшное — он умер.

Его восприятие происходящего и реакций неадекватны ситуации. Сила его страха не соответствует возможным последствиям происшествия. За реальной ситуацией для Беликова таится как бы что-то большее, от каждой мелочи — страх чуть ли не крушения мироздания. Его жизнь — постоянное ожидание катастрофы. Его страх неопределенный. Чего он боится: начальства, воров, черта, — всего и одновременно ничего конкретного. Он боится жизни вообще. Его душой владеет иррациональный, темный, первобытный страх жизни. Он воспринимает мир как враждебное и страшное начало и всеми силами стремится защититься от него. Защита от жизни сводится в основном к установлению и строгому исполнению Регламента, определяемого циркулярами, предписаниями, житейскими и иными нормами и т. п. Невыполнение мельчайшего требования может привести к непоправимому (за Регламентом страшный мир), поэтому Беликов так напряженно относится к каждой мелочи: «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело?» В конечном итоге Регламент начинает исполняться ради самого же Регламента, все делается именно так, потому что должно делаться именно так. Педагог должен посещать своих коллег, и вот Беликов придет в гости, посидит молча час-два и уйдет. Утрачивается содержание, и остается одна мертвая форма. Жизнь омертвляется. Точнее, во всей его жизни, во всех поступках остается одно содержание и одна функция — защита от страшного мира.

Жизнь страшна и враждебна, но в ней надо жить. В миллионах различных ситуаций возможно множество вариантов поведения. Какой же избрать? Понятно, что тот, который много раз использовался и не привел к нежелательным результатам. Такое поведение закрепляется в виде житейских норм, обычаев и т. п. Отсюда рождается консерватизм Беликова, страх перед всем новым. Но жизнь постоянно меняется, в ней возникают новые

ситуации. Что делать? Здесь Беликова, не могущего самостоятельно разрешить эту проблему, поскольку, что ни придумай, всегда нетрудно найти что-нибудь, что из этого может выйти, может спасти только слепая вера в авторитет. Авторитет для него — мудрое начальство, которое все знает и найдет спасительный выход из положения. Начальство издает соответствующие циркуляры, предписания, рекомендации, строгое исполнение их — единственный способ спастись в жутком мире. Циркуляр, в котором что-либо разрешается, недостаточно однозначен, разрешение почти всегда можно реализовать разными способами. Опять неясность, опять тревога. Циркуляр запрещающий однозначен. Нельзя — и точка! Отсюда любовь Беликова ко всему запрещающему. Вообще, лучший способ защититься от жизни — свести ее к минимуму. Чем меньше жизнь, тем меньше опасность. Идеал здесь — не жить, идеал — смерть. Лучший футляр — гроб, в который с кротким, приятным, даже веселым, «точно он был рад», выражением лица лег Беликов.

Мы традиционно считаем «человека в футляре» проводником реакции. Но Беликов как общественное явление намного более значим. К чему он стремится? Итогом его деятельности было бы общество, полностью лишенное свободы, в котором жизнь была бы втиснута в узкие берега разрешенного и освященного указами, законами, в котором царствует незыблемая вера в авторитет, воплощенный в государственной власти, и слепое подчинение авторитету. Это было бы общество единообразия и единомыслия. Все это напоминает нам о тоталитарном режиме. Чехов показывает, как практически без силового давления власти сами же люди, боящиеся жизни и, соответственно, боящиеся свободы, — сами же эти люди могут установить такой режим.

Защищаясь от жизни, герой становится душителем ее, душителем свободы. Нудно, мелочно, вьедливо он тиранит весь город, становясь неизбежным проводником всего самого консервативного и реакционного.

Образ «футлярной жизни», черты которой обнаруживаются в самых разных произведениях писателя, оказывается тесно связанным со страхом перед жизнью. Этот страх, часто бессознательный, является одной из важнейших движущих сил поведения и ориентации человека в мире в прозе Чехова.